

Зрителям недодали любви

«Тристан и Изольда» в постановке Кристофа Марталера

Коммерсантъ — 2005. — 9 авг. — С. 13

премьера опера

Главным событием проходящего в баварском городе Байройте традиционного Вагнеровского оперного фестиваля стала новая версия «Тристана и Изольды» в постановке знаменитого немецкого режиссера Кристофа Марталера.

Несколько лет назад руководитель Байройтского фестиваля и внук его основателя Рихарда Вагнера Вольфганг Вагнер взял курс на «омоложение» — принял решение больше не заниматься режиссурой (критика, собственно, никогда и не признавала за господином Вагнером-внуком больших режиссерских способностей) и объявил о призыве за байройтский режиссерский стол их трех очень разных, но очень знаменитых режиссеров — автора провокационных, политизированных спектаклей-акций Кристофа Шлингензифа, гениального минималиста Кристофа Марталера и, наконец, датского кинорежиссера Ларса фон Триера. Так что «омоложение» подразумевалось не столько возрастное (хотя и оно тоже — все-таки Вольфгангу Вагнеру уже далеко за 80), сколько эстетическое. Инициатором приглашения названных постановщиков, которых до этого трудно было даже теоретически представить себе участниками самого консервативного из знаменитых европейских фестивалей, называют дочь Вольфганга Вагнера Катарину, правнучку великого композитора и наиболее вероятную из наследниц байройтского престола.

Год назад с «Парсифалем» никакого особого эстетического скандала не вышло. Кристоф Шлингензиф, очутившись в вагнеровском царстве, заявил, что не собирается ничего взрывать, не хочет ни над чем иронизировать или насмехаться. После этого в Байройте, видимо, расслабились и решили, что и Марталер «пройдет» как по маслу. Но не тут-то было.

У Марталера постановочные традиции хоть и моложе, чем фестиваль в Байройте, но не менее крепки. Вот уже полтора десятилетия он ставит спектакли, действие которых происходит в огромных замкнутых пространствах, подсмотренных в реальности художницей Анной Фиброк. В этих полузаброшенных залах обычно заперты странные люди, как бы потерявшиеся между временами, забывшие о реальном течении времени. В Байройте госпожа Фиброк лишь ненадолго выпускает взгляд зрителя из привычных

четырех стен — когда с первыми тактами музыки открывается занавес, зрители видят небо, усеянное белыми световыми кругами, похожими на неопознанные летающие объекты. Но на самом деле это звезды, видимые с палубы корабля.

Однажды господин Марталер уже селил своих персонажей в корабельной кают-компании — это было в шекспировской «Буре». Страстная история любви Тристана и Изольды разыгрывается тоже на корабле. Музыка Вагнера словно прокатывается по всем этажам сознания, то есть по палубам, проникает все ниже и ниже, чтобы закончиться в сером трюме с металлическими стенами и реанимационной койкой посредине. На нее сначала замертво сваливается Тристан (Роберт Дин Смит), а потом, натянув одеяло на голову, засыпает вечным сном и Изольда. Небо к финалу становится черным, но над торчащими корабельными трубами все еще болтаются несколько кружков мерцающего, словно потрескивающего утасующим сознанием света. В земной жизни эта история возвышенной любви не находит гармоничного разрешения. Может быть, влюбленные соединятся после смерти? Вряд ли Кристоф Марталер в это верит.

«Это скандал», — написали немецкие газеты сразу после премьеры. Правда, большинство упреков были адресованы не постановщикам, а дирижеру Эйди Оуе, чья интерпретация музыки Вагнера была признана критиками чрезвычайно вялой и для Байройта позорно неинтересной. Упрекают и певцов, в частности, за то, что из зала не разобрать немецкого языка. «Руководству фестиваля надо подумать, — язвит Sueddeutsche Zeitung, — не снабдить ли спектакль субтитрами». Однако и к режиссуре предъявляются вполне прямые претензии. «В музыке развиваются страстнейшие порывы, а герои тем временем вяло и незаинтересованно сидят, не глядя друг на друга», — недоумевает критик. В связи с «Тристаном» вспоминают другую оперную постановку Кристофа Марталера — «Пелеаса и Мелисанду» Дебюсси. Режиссер и тогда попытался превратить символическую сказку в психодраму переломного рубежа веков.

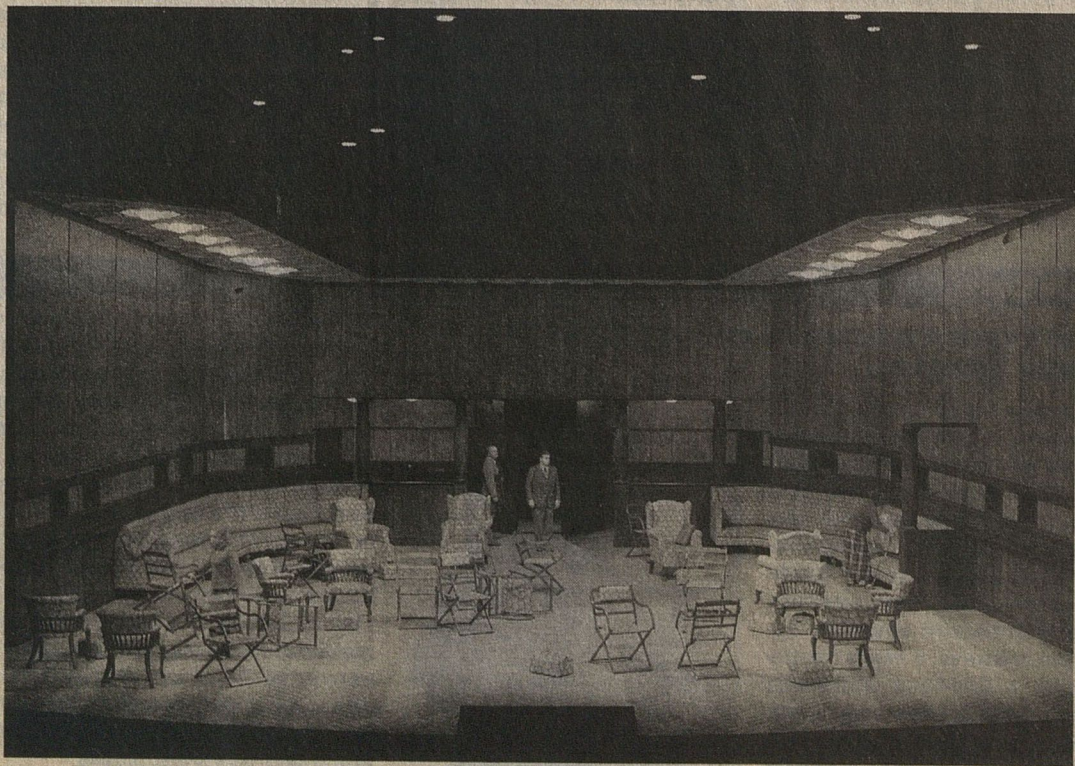
Может показаться, что господин Марталер не разделяет веру Рихарда Вагнера в любовную утопию. Но если вдуматься, опера «Тристан и Изольда» не что иное, как пятичасовой

памятник, поставленный Вагнером самым прекрасным, но в реальной жизни так и не пережитым композитором чувствам. Вот режиссер и показывает мир, в котором любовь может состояться только как индивидуальное переживание, адресованное космосу или вселенной, но только не другому человеку. Господин Марталер строит свои мизансцены так, что самые страстные слова любви срываются с губ героев тогда, когда кажущийся адресат этих чувств стоит спиной. Глаза любящего, таким образом, обращены в никуда. Любовная близость в спектакле Кристофа Марталера воплощается как одиночество. Анна Фиброк рассказывала, что, приступая к работе над спектаклем, они с режиссером вместе пересматривали фильм Бунюэля «Золотой век», историю страстной любви, положенную на музыку из «Тристана». И что Марталер, вслед за Бунюэлем, считает, что такие сильные чувства показать на сцене вообще невозможно. Поэтому он поставил такой ясный, строгий и безутешный спектакль.

На премьере зрители устроили овацию шведской певице Нине Стемме, отлично справившейся с партией Изольды. Потом холодно похлопали дирижеру, который от избытка чувств опустился на колени и расцеловал подмостки вагнеровского Фестшпильхауза. Когда на сцену вышли Марталер и Фиброк, раздался страшнейший «бу-у-у». Байройтский зритель хочет верить в любовную утопию. И горе тем, кто посмеет лишить его последней веры.

Вот Танкред Дорст наверняка не станет заниматься такими неблагодарными делами. После недавнего отказа Ларса фон Триера от контракта с Байройтом именно господин Дорст, выдающийся немецкий драматург, выбран руководством фестиваля для постановки в будущем году в Байройте вагнеровского «Кольца нибелунга». Два обстоятельства вызывают недоумение: во-первых, господин Дорст никогда прежде не занимался оперной режиссурой, во-вторых, ему в будущем году исполнится 80 лет. Как он в таком почтенном возрасте справится с четырьмя спектаклями? «Это решение моего отца, у него и спрашивайте, почему Дорст», — открестилась от недоуменных критиков Катарина Вагнер. Видимо, Вольфганг Вагнер опять решил тряхнуть на Байройт стариной.

МАТИЛЬДА ГРОССМАН,
Байройт;
РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ

Сказочные герои Вагнера у Кристофа Марталера потерянно бродят среди стульев и не смотрят друг на друга

240